

© 2006 г. А.Ю. УРМАНЧИЕВА

## ВРЕМЯ, ВИД ИЛИ МОДАЛЬНОСТЬ?\*

### ГЛАГОЛЬНАЯ СИСТЕМА ЭНЕЦКОГО ЯЗЫКА

В данной работе будет рассмотрена глагольная система энецкого языка, прежде всего – те формы, которые традиционно связываются с временной референцией. Этот материал интересен тем, что позволяет наглядно продемонстрировать, что адекватная семантическая интерпретация отдельных показателей может быть дана только с учетом общих принципов организации глагольной системы. А именно, будет показано, что глагольные формы энецкого языка адекватнее интерпретируются как выражающие модальные, а не темпоральные значения. Данная реинтерпретация не только позволяет уточнить описание энецких глагольных форм, но и затрагивает также некоторые проблемы более общего характера, связанные с типологией глагольных систем и с проблемой однонаправленности путей грамматикализации. Эти проблемы рассматриваются во втором, заключительном разделе статьи.

#### 1. ГЛАГОЛЬНАЯ СИСТЕМА ЭНЕЦКОГО ЯЗЫКА

Энецкий язык относится к северной ветви самодийских языков. Представители этой немногочисленной народности (по данным переписи 1989 года, энцами считают себя около 200 человек) живут в двух поселках в нижнем течении Енисея. В поселке Потапово (Дудинский р-н Таймырского АО) живут носители лесного диалекта (“хантыйские самоеды”; самоназвание *нэ-бай*), в поселке Воронцово (Усть-Енисейский р-н Таймырского АО) – носители тундрового диалекта (“камасинские самоеды”; самоназвание *со-мату*; лесные энцы называют их *маду*). Наибольшие отличия между диалектами принадлежат фонетической сфере: в речи лесных энцев сильно редукция, тогда как тундровый диалект характеризуется сохранением более полной слоговой структуры энецкого слова. Лексические различия незначительны, и диалекты в целом остаются взаимопонятными (настолько, насколько об этом вообще можно говорить в условиях, когда полноценными носителями языка остаются только люди старшего поколения, которых в каждом поселке можно пересчитать по пальцам одной руки). Примеры приводятся в фонетической транскрипции на основе латинского алфавита. Исследование проводилось на материале фольклорных текстов, прежде всего – на материале сказания *Soldai? kaха* ‘Шайтан<sup>1</sup> нашего рода Солда’, включающего 1167 фраз (тундровый диалект). Русский вариант этого сказания был опубликован Б. О. Долгих [Долгих 1961]; в семидесятые годы в рамках экспедиционного проекта МГУ это сказание было записано Е.А. Хелимским в обратном переводе на энецкий язык от Холю Каплина, которого он характеризовал как, “вероятно, последнего человека, который говорил на тундровом диалекте энецкого лучше, чем на каком-либо другом языке” [Helimski 2001]. В 1990-х гг. в РГГУ под руководством Е. А. Хелимского проводился ряд самодийских экспедиций, в которых участвовал также автор данной статьи. В это время, параллельно с полевой работой, нами был осуществлен перевод этого сказания в электронный формат с поморфем-

\* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 04-04-00111а “Типология глагольных систем”.

<sup>1</sup> Словом *шайтан* мы, вслед за Е. А. Хелимским, переводим слово *каха*, обозначающее родовой оберег, который энцы хранят в специальной “шайтанской” нарте.

ной нотацией. Дополнительным материалом для данной статьи послужила коллекция текстов, опубликованных в [Лабанаускас 2002] (тундровый и лесной диалекты).

Структура финитной глагольной формы энецкого имеет следующий вид:

$$R\text{-}Suff_1\text{-}Suff_2\text{-}Suff_3\text{-}Suff_4,$$

где R – глагольный корень, а Suff – суффиксальные позиции для глагольных показателей. Необязательную позицию Suff<sub>1</sub> занимают словообразовательные глагольные показатели, выражающие прежде всего аспектуальные значения (эта позиция может разветвляться на несколько подпозиций – иными словами, одна глагольная словоформа может содержать несколько словообразовательных глагольных показателей). Позицию Suff<sub>2</sub> занимают словоизменительные показатели, выражающие различные глагольные грамматические значения, позицию Suff<sub>3</sub> – показатели актантного согласования<sup>2</sup>, позицию Suff<sub>4</sub> – показатель *-s'i*, традиционно описываемый как суффикс прошедшего времени.

Помимо универсального критерия обязательности, отделить словоизменительные показатели от словообразовательных в энецком глаголе позволяет также отрицательная конструкция, состоящая из отрицательного глагола и нефинитной формы смыслового глагола (так называемого коннегатива; показатель коннегатива *-(o)?* присоединяется к глагольной основе). В отрицательной конструкции все словообразовательные показатели входят в состав смыслового глагола, а все словоизменительные присоединяются к финитной форме отрицательного глагола (присоединение словообразовательных показателей к основе отрицательного глагола невозможно):

- (1) bôôdaguadas'i

/bôô=m=ta=gu-ŋa-ða-s'i/

плохой=Inc.Stat=Caus=Dur-Praes-3SgObj-Praet

'он его обвинял'
- (2) n'ieðas'i bôôdagu?

/n'i-e-ðu-s'i

Neg-Praes-3SgObj-Praet

'он его не обвинял'
- bôô=m=ta=gu-?/

плохой=Inc.Stat=Caus=Dur-Conneg

<sup>2</sup> В энецком языке имеется три глагольных спряжения, традиционно называемые субъектным, объектным и рефлексивным. Во всех трех спряжениях глагол согласуется по лицу (1-е, 2-е и 3-е) и числу (Sg, Du и Pl) с субъектом действия в именительном падеже; кроме того, в объектном спряжении глагол согласуется по числу (Sg ~ Pl) с объектом действия. Правила употребления спряжений зависят от нескольких параметров, в частности, от переходности / непереходности глагола:

Таблица 1

|                      | Тип спряжения                                                 |                                                             |                                                                                                                                                                 |
|----------------------|---------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
|                      | Субъектное                                                    | Объектное                                                   | Рефлексивное                                                                                                                                                    |
| Непереходные глаголы | основная масса непереходных глаголов                          | –                                                           | некоторые непереходные глаголы, в основном со значением неконтролируемого действия, единственный участник которого часто имеет скорее роль пациента, чем агенса |
| Переходные глаголы   | употребляется с неопределенной именной группой в роли объекта | употребляется с определенной именной группой в роли объекта | употребление рефлексивного спряжения изменяет диатезу глагола, который в этом случае получает значение рефлексивной ситуации                                    |

В примере (1) к основе *bôô-* ('плохой') прибавлены суффиксы *-m* со значением начала состояния (> 'стать плохим'), *-ta* со значением каузатива (> 'заставить быть плохим' = 'обвинить'), *-gi* со значением дуратива, *-ŋa* со значением неопределенного времени, *-ða* со значением 3 лица единственного числа объектного спряжения и *-s'i* со значением прошедшего времени. При образовании отрицательной формы к спрягаемому отрицательному глаголу отходят последние три суффикса, все остальные остаются при основе смыслового глагола. Таким образом, к словоизменительным показателям относятся показатели, занимающие позиции Suff<sub>2</sub>, Suff<sub>3</sub> и Suff<sub>4</sub>, из них несинтаксические глагольные значения выражают показатели в позиции Suff<sub>2</sub> и Suff<sub>4</sub>.

Словоизменительные глагольные показатели в энецком, согласно традиционным описаниям, выражают значения времени и наклонения. Начнем с показателей времени. Традиционно в энецком противопоставляются три временных формы: настоящее (неопределенное) время с показателем *-ŋa*, прошедшее время с показателем *-s'i* (это единственный показатель, занимающий позицию Suff<sub>4</sub>), будущее время с показателем *-do*. Некоторые самодисты причисляют к временным показателям также показатель *-bi*<sup>3</sup>. У последнего показателя четко выделяется значение инференциальности, однако некоторые исследователи выделяют у него значение прошедшего отдаленного, другие же считают основным значением значение перфекта<sup>4</sup>.

Прежде всего,стораживает второе название формы настоящего времени: неопределенное время. Проведенный анализ текстов показал, что неопределенное время очень часто соотносится не только с событиями в настоящем, но и с событиями в прошлом. Таким образом, в энецком ситуация в прошлом может быть описана при помощи одной из трех форм: "неопределенного времени" (*-ŋa*), собственно "прошедшего времени" (*-s'i*) и "прошедшего отдаленного" (*-bi*). Каковы отличия между этими формами?

### 1.1. Форма "неопределенного времени"

Форма так называемого неопределенного времени используется для описания событий как в прошлом (3), так и в настоящем (4). С ее помощью можно также описать ситуацию, начавшуюся в прошлом и продолжающуюся в настоящем (5) и (6):

- (3) Solda baxuʔo kitaða, eseða kitaða.
- Solda-Ø      baxuʔo-Ø      kita-ða,           ese-Ø-ða
- Солда-Nom    старик-Nom    рассказать.Praes-3SgObj    отец-Nom-3Sg

<sup>3</sup> Необходимо сказать несколько слов об алломорфах данных суффиксов. Они имеют различную форму в зависимости от предшествующего звука:

Таблица 2

| Суффиксы | Алломорфы суффиксов                                                |                                  |                                |
|----------|--------------------------------------------------------------------|----------------------------------|--------------------------------|
|          | После гласного                                                     | При слиянии со звонким согласным | При слиянии с глухим согласным |
| -ŋa      | -Ø/-a                                                              | -ŋa                              | -ʔa                            |
| -s'i     | -s'i                                                               | -d'i                             | -t'i                           |
| -do      | -do/-ðo (вариант -ðo используется у граниченного количества основ) | -do                              | -to                            |
| -bi      | -bi                                                                | -bi                              | -pi                            |

<sup>4</sup> В строке грамматического разбора глагольные показатели глоссированы в соответствии с традиционными названиями: *-ŋa* – Praes, *-s'i* – Praet, *-do* – Fut, *-bi* – Infer.

kita-*да*.

рассказать. *Praes-3SgObj*

‘Это рассказал старик Солда, это рассказал его отец’.

- (4) Tomoone puado? *pos'uri*.

Tomoone puado? *pos'uri-Ø*.

Там всё.время *крутиться. Praes-3Sg.Subj*

‘Он там все время *находится* (досл. “крутится”)’.

- (5) <...> пеху? s'ide d'ere d'aboone *soodi-o*.

<...> пеху? s'ide d'ere d'aboone *soodi-o*.

<...> трид два день[-Gen] длина-Prol *видеть.Praes-1SgObj*

‘<...> я *вижу* это уже на протяжении двух-трех дней’.

- (6) D'edos'ida kod'e kudona? biixado? *ka?e-do?*

D'edos'i.da kod'e = ku-do-na? biixado-do?

Енисей. Nom-3Sg возле = Dim-Abl.Adv-1Pl море-Dat

*ка?е-до?*

*упасть.Praes.Refl-3SgRefl*

‘Енисей недалеко от нас в море *впадает* (досл. “упал”)’.

## 1.2. Форма “прошедшего времени”

Для описания событий в прошлом приведенная выше форма используется даже чаще, чем форма с суффиксом *-s'i*, называемая собственно прошедшим временем. Спектр употребления последней формы гораздо уже в сравнении с формой неопределенного времени, при помощи которого в повествовательном тексте обозначаются практически все события в прошлом. Форма “прошедшего времени” с суффиксом *-s'i* возможна только в ограниченном числе контекстов. Она употребляется для описания ситуаций, имевших место до времени основного повествования (7); ситуаций, относящихся к предшествующей сцене повествования (8); имевших место в прошлом и прекратившихся к описываемому моменту (9) и (10).

- (7) Kuo duboxuane d'uroi<sup>1</sup>as'i eseba? eeba?: kaadorena?.

– Kuo<sub>1</sub> duboxuane<sub>2</sub> d'uroi.<sup>1</sup>as'-Ø-s'i

– Когда-то<sub>1,2</sub> *говорить.Praes-3SgSubj-Praet*

ese-Ø-ba? ee-Ø-ba? kaado = re-na?

отец-Nom-1Pl мать-Nom-1Pl болеть = Inch.Refl-1PlRefl

[Мальчик осматривает свое тело, покрытое коростой, и умерших от болезни членов своей семьи:] ‘– Когда-то отец и мать *говорили*, что мы болеем’.

- (8) Kuunaad'u mona noon'i? teba? Odeoxoda leu<sup>1</sup>as'i.

– Kuunaad'u mona noo-n'i? teba-Ø?

– Как яйцо[-Acc] k-1Sg принести.Praes-3SgSubj

Odeoxoda leu.<sup>1</sup>as'-Ø-s'i

Поэтому кричать. Praes-3SgSubj-Praet

[Чайка навещает героя повествования и просит его на время выйти из чума. Стоя снаружи, он слышит, что она кричит в чуме, а возвращаясь, обнаруживает, что его постель сложена по-другому. Некоторое время спустя, когда чайка уже улетела, он, укладываясь спать, обнаруживает возле себя в постели яйцо:] ‘– Как это она яйцо мне принесла? Вот потому-то тогда и *кричала*’.

- (9) Kuo duboxuane ud'ena? okat'i, tiena? okat'i. T'ingad'i t'uku med'e kadeba.

Kuo<sub>1</sub> duboxuane<sub>2</sub>

ud'e.na?

ôka.t'i,

Когда-то<sub>1,2</sub>

мясо.NomPl.IPl

много.Pl.Praet

tie.na?

ôka.t'i.

олень.NomPl.IPl

много.Pl.Praet

T'iqad'i t'uku

med'e-Ø

kade-ða.

Теперь всё[-Acc]

ветер-Nom

унести.Praes.ObjPl-3SgObj.

‘Когда-то мяса у нас было много, оленей было много. Теперь все это ветер унес’.

(10) Kuunad'uxua peeðoda kôa, piodo? kani. D'axareðas'i monuos'ii meðo?.

Kuunad'uxua pee-ðo-da

kô-a-Ø,

Как-то бакарь-Dest[-Acc]-3Sg

найти-Praes-3SgSubj

pio-do? kani-Ø.

улица-Dat идти.Praes-3SgSubj

D'axar.e-ða-s'i

monuo-s'ii

медо-?.

Не.знать-Praes.ObjPl-3SgObjPl

упасть-PartPraet

чум[-Acc]-Pl

‘Какие-то бакари себе отыскал, на улицу вышел. <До того, как вышел,> он не знал, что чумы развалились’.

Таким образом, форма с суффиксом -s'i представляет засвидетельствованное также и в других языках мира специальное значение прошедшего времени, которое в определенном смысле является антагонистом перфекта, а именно, значение “п р е к р а щ е н н о г о п р о ш л о г о”: ‘ситуация имела место в прошлом и не является релевантной для настоящего момента’. Это значение впервые выделено и подробно описано в [Плунгян 2001]; см. также [Plungian, van der Auwera 2006].

Хотя отсутствие релевантности для настоящего момента часто имплицитно подразумевает более отдаленное прошлое, чем то, которое разворачивается во времени основного повествования и, таким образом, тесно связано с идеей предшествования, тем не менее временные рамки не предопределяют употребления этой формы. Таким образом, неверно было бы считать ее формой отдаленного прошедшего. Так, в примере (8) чайка принесла яйцо одновременно с тем, как она кричала. Тем не менее, чайка улетела, и крики ее полностью принадлежат прошлому, в то время как яйцо продолжает находиться рядом с героем повествования. Ср. также следующий пример:

(11) Nenedo n'iedo? iredo?. Toroe kitaan'i? noo? tôaðod'i.

Nene-do

n'ie-ðo?

ire-do-?.

C-1Sg

Neg.Praes-1SgSub

жить-Fut-Conneg

Toroe kita-a-n'i?

noo?

tô-a-ðo-d'i.

Так сказать-VN-1Sg

к

npiĩtu-Praes-1Sg.Subj.Praet

[Чайки улетели, оставив героя повествования одного в своем стойбище.

Через некоторое время чайка, наставлявшая и оберегавшая его, прилетает и говорит, что ее отец поручает ему стеречь оленей. Она также объясняет, как с ними следует обращаться. Затем она говорит:] ‘– Я с тобою жить не буду. Я приходила, чтобы рассказать <про оленей...>’.

Чайка говорит это в то время, когда она еще даже не ушла, но ее приход “аннулируется” тем, что она не останется. Именно поэтому употребляется форма прекращенного прошлого, хотя чисто формально ситуация является перфектной: ‘чайка пришла и находится здесь’.

Значение прошедшего времени – не осложненное никакими дополнительными семантическими компонентами – эта форма может выражать только в диалоговом регистре, то есть в прямой речи (12). При этом необходимо, чтобы фраза выражала новую для собеседника информацию. В противном случае, при обсуждении ситуаций, которые

предполагаются известными для обоих участников диалога, употребление формы с суффиксом *-s'i* регулируется теми же правилами, что и ее употребление в нарративном регистре (13) и (14).

- (12) Bunel'a kereta mekoda kaneada noo? mua. Aga pe D'ut'i monaa: – An'i sego-bu-ti?.

Уде pe D'ut'i Кабутато? *nobodabos'i*.

Bunel'a kere-ta me-ko-da kane-a-da noo? mu-a-Ø.

Бунеля свой-3Sg чум-Lat-3Sg идти-VN-3Sg к сделать-Praes-3SgSubj

Aga pe-Ø D'ut'i-Ø mona-a-Ø:

большой брат-Nom Дючи-Nomc сказать-Praes-3SgSubj

– An'i sego-bu-ti? Уде pe D'ut'i

– еще ночевать-VACond-2Du Маленький брат[-Acc] Дючи[-Acc]

Кабута-do? *nobod.a-bo-s'i*.

Дудинка-Dat *послать-Praes-1SgObj-Praet*

‘Бунеля домой собрался. Старший Дючи говорит: – Еще одну ночь у нас провели бы. Я младшего брата в Дудинку *послал*’. [Он выменяет у русских две телячьи шкуры на четыре бочонка вина. Если сегодня к вечеру вернется, то мы опять хорошо угостимся.]

- (13) Aga pe D'ut'i aburida irada: – Bunel'a tiarego, kudaxado taabido. Biu pue? d'aboone *niedos'i d'adiuro?*

Aga pe D'ut'i aburi-da ir.a-da:

Большой брат Дючи голова-Acc.3Sg поднять.Praes-3SgObj

– Bunel'a tiarego, kudaxado таа-би-do.

Бунеля оленевод издалека прийти-Infer-2Sg

Biu' pue-? d'aboone *nie-do-s'i d'adiur-o?*

Десять год-GenPl протяжение *Neg.Praes-2Sg-Praet* *ходить-Conneg*

‘Старший Дючи голову поднял: – Бунеля-олeneвод, ты, должно быть, издалека пришел. Десять лет *не приходил*’.

В данном примере суффикс *-s'i* употребляется потому, что своим визитом Бунеля “отменил” то, что он десять лет не приходил.

- (14) Neda sonete?oxododa ne kaxaxada monaa: – D'abo? d'igua. Ne *muadodi*, kaa.

Ne-da sonete=?o-xodo-da ne kaasa-xa-da

Жена-Gen.3Sg хоронить = NDV-AblSg-3Sg женщина женщина брат-Lat-3Sg

mona-a-Ø: – D'abo-j? d'igu-a-Ø.

сказать-Praes-3SgSubj – Счастье-1Sg не.иметься-Praes-3SgSubj

Не *mu-a-do-di*, kaa-Ø.

Женщина[-Acc] *зять-Praes-1SgSubj-Praet* умереть.Praes-3SgSubj

‘Похоронив жену, он сказал своей сестре: – Нет мне счастья. Жену себе *взял <было>*, а она умерла’.

Во всех рассмотренных употреблениях формы с суффиксом *-s'i* семантический компонент ‘отсутствие результата’ реализовывался как ‘аннулированный результат’. Однако отсутствие результата у некоторой предельной ситуации может иметь место не только из-за того, что достигнутый результат был аннулирован, но и из-за того, что он так и не был достигнут (это значение, получающее отдельное грамматическое выражение в ряде языков, носит название “к о н а т и в а”). Показатели аннулированного результата и недостигнутого результата (объединенные термином “а н т и р е з у л ь т а т и в н ы е п о к а з а т е л и”) рассматриваются в статье [Плунгян 2001]. В этой статье, в частности, приводятся примеры совмещения конативного значения и значения аннулированного результата в одном показателе. Такая же ситуация имеет место и в энецком языке – см.

пример (15), где показатель *-s'i* употребляется в конативном значении (это значение часто реализуется в сочетании со словообразовательным показателем инхоатива):

(15) Aburida *idokas'i*, leʔida *idoe*.

|                       |                                         |
|-----------------------|-----------------------------------------|
| Aburi-da              | <i>ido=ka-Ø-s'i</i> ,                   |
| Голова-Acc.3Sg        | <i>поднять=Inch.Praes-3SgSubj-Praet</i> |
| leʔida-Ø              | <i>ido-e</i>                            |
| не.мочь.Praes-3SgSubj | <i>поднять-Inf</i>                      |

‘Голову ей *хотел* было *поднять*, но *поднять* не может’.

### 1.3. Форма инференциалиса, или “прошедшего отдаленного”

Как показал анализ текстов, значение прошедшего времени, не осложненное никакими дополнительными модальными компонентами, у этой формы можно выделить только в одном очень специальном случае. Указанное значение форма с суффиксом *-bi* принимает только в рамках одной из возможных стратегий организации нарратива, причем эта стратегия засвидетельствована – как одна из возможных – только в лесном диалекте. Речь идет о чередовании форм с суффиксом *-ɬa* в функции *praesens historicum* и форм с суффиксом *-bi* в функции нарративного прошедшего. Эта стратегия ограничена лесным диалектом, находящимся в тесном контакте с ненецким языком. Необходимо отметить в связи с этим, что тундровые энцы занимают несколько обособленное положение в ненецко-энецкой общности: культурные отличия между группами лесных и тундровых энцев сильнее собственно лингвистических, и в то время, как лесные энцы (или бай) имеют единую материальную культуру с ненцами, носители тундрового диалекта (или сомату) по своей материальной культуре ближе к нганасанам. Таким образом, в более тесном контакте с ненцами находятся именно носители лесного диалекта. Более того, по данным имеющихся в нашем распоряжении текстов, указанная стратегия распространена прежде всего в речи тех носителей, которые демонстрируют ненецко-энецкое двуязычие. В ненецком же форма с суффиксом *-vy*, соответствующая энецкой форме с суффиксом *-bi*, также может употребляться в функции нарративного прошедшего в рамках аналогичной нарративной стратегии. Подробно функционирование этой формы в ненецком языке описано в работе [Буркова 2004]; основным значением данной формы автор указанной работы считает инференциальное, однако описывает и ренарративные употребления формы с суффиксом *-vy*. Таким образом, мы считаем, что использование формы с суффиксом *-bi* в функции нарративного прошедшего в лесном диалекте энецкого языка может объясняться ненецким влиянием.

Вообще же при помощи формы с суффиксом *-bi* описываются ситуации, свидетелем которых говорящий не был, и о которых он судит прежде всего по наблюдаемым результатам. Это, инференциальное, значение представлено примером (16):

(16) Sekonedu? nôiðe ud'aðu? digua, totorio kas'araxa?. Ou?, ekiðo kuunaad'u *kaadobi?*!

|              |                    |                             |
|--------------|--------------------|-----------------------------|
| Se.kone-du?  | nôiðe ud'a-Ø-ðu?   | digu-a-Ø,                   |
| лицо.Loc-3Pl | целый мясо-Nom-3Pl | не.иметься-Praes-3SgSubj    |
| totorio      | kas'a=gaxa-?.      |                             |
| тоже         | каша=Comp-3PlSubj  |                             |
| Ou?, ekiðo   | kuunaad'u          | <i>kaado-bi-?</i>           |
| О, вот       | как                | <i>болеть-Infer-3PlSubj</i> |

[Мальчик, очнувшись после болезни, которой он не помнит, осматривает своих умерших родителей.] ‘На лице у них целого мяса нет, лица все, как каша. О, вот как тяжело они *болели*!’.

Инференциальное значение часто подразумевает, что ситуация – в силу незасвидетельствованности – относится к периоду, предшествующему времени основного повествования (это значение присутствует и в приведенном примере). Однако это значение в

действительности является имплицативным и реализуется не во всех контекстах, и выделение у этой формы значения отдаленного прошедшего также было бы неправомерно. Против такого решения говорит и тот факт, что форма с суффиксом *-bi* выражает в некоторых случаях также значение перфекта. Перфект же, с одной стороны, противоположен по значению прошедшему отдаленному, обычно подразумевающему разрыв между настоящим моментом и описываемой ситуацией, с другой стороны, естественно связан с собственно инференциальным значением (связь эта хорошо засвидетельствована для различных языков мира). Действительно, эти два значения достаточно близки, поскольку и в инференциальном, и в перфектном употреблении акцент делается на результирующем состоянии:

- (17) Soona, d'uroiŋa: [...] Noona? taabiðo? irede ŋa! Pe baðibi piinoo?.

|                         |                               |                        |                 |
|-------------------------|-------------------------------|------------------------|-----------------|
| Soo.ŋa-Ø,               |                               | d'uroi. ŋa-Ø: <...>    |                 |
| смотреть.Praes-3SgSubj, |                               | говорить.Praes-3SgSubj |                 |
| Noo-na?                 | <i>taa-bi-ðo?</i>             | <i>ire-de</i>          | <i>ŋa-Ø!</i>    |
| к-1Pl                   | <i>подо́йму-Infer-3SgRefl</i> | <i>жить-PartPraes</i>  | <i>небо-Nom</i> |
| Pe-Ø                    | <i>baði-bi-Ø</i>              | <i>piinoo?</i>         |                 |
| дерево-Nom              | <i>рас́ну-Infer-3SgSubj</i>   | <i>но́чью.</i>         |                 |

‘Смотрит, говорит: [– Потому-то я и хотел сделать вчера шайтанскую нарту.] Живое божество к нам *пришло!* Дерево за ночь *выросло!*’

Инференциальная форма может использоваться также в том случае, если описываемая ситуация является для говорящего неожиданной. В этом случае выражается значение адмиратива. Необходимо отметить, что перфектное значение реализуется практически всегда одновременно с адмиративным значением. Оно присутствует также в описанной в примере (17) ситуации: несмотря на то, что говорящий хотел с вечера подготовить шайтанскую нарту, он не знал наверняка, в чем конкретно проявит себя божественное начало, и потому появление божества и выросшее за ночь дерево в какой-то мере явились для него неожиданностью.

Как уже говорилось, перфектное значение реализуется практически всегда в контексте адмиративного – в то же время, обратное неверно: адмиративное значение может выражаться и вне связи с перфектным (23):

- (18) Uðeða totubebi?, agaane sixiðibi?.

|                |                            |                                            |
|----------------|----------------------------|--------------------------------------------|
| Uðe-Ø-ða       | <i>totube-bi-?</i> ,       | <i>agaane sixiði-bi-?</i>                  |
| рука-NomPl-3Sg | <i>тесно-Infer-3PlSubj</i> | <i>сильно быть.связанным-Infer-3PlSubj</i> |

[Отец и мать долго не могли успокоить плачущего младенца: мать клала его в колыбель, качала на руках, кормила грудью, но все это не помогало. Когда отец развязал туго спеленутого ребенка, он сразу успокоился. Отец говорит: – Давно руки развязать надо было!] ‘*Оказывается, рукам тесно было, они туго спеленуты были, оказывается.*’

Возможно сочетание суффиксов *-bi* и *-s'i* в пределах одной глагольной формы. При помощи формы с суффиксами *-bi* и *-s'i* можно обозначить, что описываемая ситуация составляет контраст с текущим положением дел (19) либо что описываемая ситуация<sub>1</sub> является причиной, по которой ситуация<sub>2</sub> не достигла результата (20), (21):

- (19) Sexotei d'erexine d'urako? somatuxine saadubit' i.

|         |            |             |              |                            |
|---------|------------|-------------|--------------|----------------------------|
| Sexotei | d'ere-xine | d'urako-?   | somatu-xine  | <i>saadubit' i.</i>        |
| старый  | день-Loc   | ненец-NomPl | сомату-LocPl | <i>воевать-Infer-Praet</i> |

‘В прежние времена ненцы *воевали* с энцами-сомату’.

- (20) T'uimoda nexaado? komabos' i, t'uimoda mekoneda d'urotabiðas' i.

|           |            |               |
|-----------|------------|---------------|
| T'uimo-da | nexa-a-do? | koma-bo-s' i, |
|-----------|------------|---------------|



|               |              |                             |
|---------------|--------------|-----------------------------|
| ружье-Acc.3Sg | взять-VN-Dat | хотеть.Praes-1SgObj-Praet   |
| t'uimo-da     | me-kone-da   | d'urota-bi- <i>da-s'i</i> . |
| ружье-Acc.3Sg | чум-Loc-3Sg  | забыть-Infer-3SgObj-Praet   |

‘Я хотел взять у него ружье, но оказалось, что он ружье забыл дома’.

(21) T'io d'ere pogadoba? t'iado? komabat'i, kaina? orit'una? t'iobi<sup>2</sup>ud'i.

|         |       |                      |                |                            |
|---------|-------|----------------------|----------------|----------------------------|
| T'io    | d'ere | poga-do-ba?          | t'i-a-do?      | кома-ba-t'i,               |
| Вчера   | день  | сеть-Dest[-?Gen]-1Pl | ставить-VN-Dat | хотеть.Praes-1PlSubj-Praet |
| kai-na? |       | orit'u-na?           |                | t'io-bi- <i>du-d'i</i> .   |

|                     |            |                             |
|---------------------|------------|-----------------------------|
| товарищ[-NomPl]-1Pl | раньше-1Pl | ставить-Infer-3PlSubj-Praet |
|---------------------|------------|-----------------------------|

‘Вчера мы хотели было поставить сеть для себя, но оказалось, что наши товарищи уже поставили ее раньше нас’.

Если в примере (19) форма *saadubit'i* демонстрирует аддитивность инференциального и антирезультативного значений, то в примерах (20) и (21) в прямом значении употребляется только суффикс адмиратива *-bi*, в то время как нерезультативность ситуации, выраженная суффиксом *-s'i*, оказывается чисто субъективной: речь идет о н а п р а с - н о м результате. В действительности ситуации, описанные в (20) и в (21), являются результативными (‘ружье забыто’, ‘сеть поставлена’), однако результат этот не является успешным с точки зрения прагматически главной ситуации, так как он представляет собой помеху для ее развития. Особенно показательным в этом отношении оказывается пример (21): если в примере (20) ситуация (‘ружье забыто’) может быть одинаково неуспешной и с точки зрения того, кто ружье забыл, и с точки зрения того, кто хотел его попросить, то в примере (21) ситуация (‘сеть поставлена’) вполне успешна с точки зрения тех, кто ее осуществил, но неуспешна с точки зрения тех, чьи планы она нарушила.

Суффикс *-bi* с адмиративным значением может также входить в состав формы будущего времени с показателем *-do*:

(22) Kun'i an'i kaadobido?

|       |      |                       |
|-------|------|-----------------------|
| Kun'i | an'i | kaa-do-bi-do?         |
| Как   | еще  | умереть-Fut-Infer-2Sg |

‘Как это ты <вдруг> умрешь?’

#### 1.4. Формы с референцией к будущему времени

Итак, форма с показателем *-ga* может относиться к ситуациям в прошлом и в настоящем, форма с показателем *-s'i* может описывать только очень узкий класс ситуаций в прошлом, а форма с показателем *-bi* является прежде всего эвиденциальной. Таким образом, ни одна из них не выражает собственно глагольного времени. В энецком языке существует еще две финитные формы, в семантику которых входит компонент временной референции, а именно, две формы будущего времени. Первая форма – форма с суффиксом *-do* (определенное будущее время, см. (23)). Форма будущего времени с суффиксом *-do* является в действительности частично грамматикализовавшейся формой имперфектива: с одной стороны, показатель *-do* является обязательным при выражении значения будущего времени (23), с другой стороны, он продолжает выражать также и имперфективное значение (24). Кроме того, в отрицательной конструкции он сохраняет свою позицию при смысловом глаголе, не переходя к отрицательному. Таким образом, этот показатель нельзя с полным основанием отнести к парадигме грамматических глагольных форм:

(23) N'ieo mod'e<sup>2</sup>ado?

|                  |                            |
|------------------|----------------------------|
| N'ie-o           | mod'e <sup>2</sup> da-do-? |
| Neg.Praes-1SgObj | шевелить-Fut-Conneg        |

‘Не буду ее тормошить.’

(24) Uḡaxane lobit' euta?

Uḡa-xane

lobit' eu.ta-?

Рука-Loc

взмахнуть-1pf.Praes-3PlSubj

'<Вот они> руками машут'. (lobit' eus- 'взмахнуть' > lobit' eus-do- 'махать')

Вторая форма – форма с суффиксом *-mi* (будущее с оттенком неуверенности):

(25) Tukaḡina? nexoguaba?, kodoḡina? meiba?

Tuka-ḡi-na?

нехо-gua-ba?,

kodo-ḡi-na?

топор-Dest-[Acc]Pl-1Pl

взять-Hort-1PlSubj

нарта- Dest-[Acc]Pl-1Pl

me-i-ba?

делать-Irr-1PlSubj

[Старик говорит своим спутникам: – Пойдемте-ка завтра втроем в лес.]

'Возьмем-ка топоры, может быть, сделаем себе нарту'. [Может быть,

шайтанскую нарту сделаем. Я, может быть, во сне кое-что видел...]

Употребление неопределенного будущего в примере (25) связано с тем, что говорящий не может наверняка обещать, что они сделают новую нарту для шайтана, которого у них пока нет (появление собственного родового шайтана – процесс магический), так как он руководствуется при планировании своих действий только своими сновидениями.

Форма будущего неопределенного в сочетании с суффиксом *-s'i* выражает нереализованную ситуацию. Временная локализация нереализованной ситуации может быть любой: она может локализоваться в настоящем (26), прошедшем (27) или будущем (28). Морфологическая композиция этой формы достаточно точно отражается в ее семантической композиционности: 'гипотетическая ситуация [-mi], не достигающая результата [-s'i]'. Эта форма является обязательной в синтаксической конструкции, выражающей ирреальное следствие, см. (26):

(26) Ixutosii abun'i? ixukoe d'ad' uios'i.

Ixuto-sii

a-bu-n'i?

ixukoe

d'ad' u-i-o-s'i

курить-PartPraet

быть-VACond-1Sg

курить-Inf

закончить-Irr-1SgObj-Praet

'Если бы я курил, курить уже закончил бы'.

(27) Tod'i oronen'i? adaḡairos'i.

Tod'i

orone-n'i?

adaḡa-i-ro-s'i.

Ты

раньше-1Sg

понять-Irr-2SgObj-Praet

'Ты раньше меня понять могла бы'.

(28) Nenedo ireiḡod' i, kuunaad'uxorii? n'ieo d'odiso?

Nenedo

ire-i-ḡo-d' i,

kuunaad' u-xorii?

c-2Sg

жить-Irr-1SgSubj-Praet

как-Emph

n'ie-o

d'odis-o?

Neg.Praes-1SgSubj

мочь-Conneg.

'Я с тобою жила бы, но никак не могу'.

## 1.5. Характеристика энецкой глагольной системы в целом

Подведем итог рассмотрению тех форм энецкого языка, которые можно связать со значением временной референции. Действительно, временная локализация выражается при помощи этих форм – однако это, так сказать, "побочный эффект" их употребления. Прежде всего эти формы выражают модальные значения: актуальность / неактуальность ситуации, способ получения информации о ней, ее гипотетический либо реальный характер. Это становится еще более очевидным, если рассмотреть совместную встречаемость этих суффиксов, см. таблицу 3. В первом столбце указаны взаимоисключающие суффиксы, во втором для каждого суффикса из первого столбца перечислены все сочетающиеся с ним суффиксы, в третьем перечислено значение этой комбинации.

| Суффиксы    |                              | Значение                                             |
|-------------|------------------------------|------------------------------------------------------|
| - <i>ɢa</i> |                              | ‘ситуация в настоящем и прошедшем’                   |
|             | - <i>do-ɢa</i>               | ‘дуративная ситуация/ситуация в будущем’             |
|             | - <i>ɢa</i> ... - <i>s'i</i> | ‘антитезуальная ситуация в прошлом’                  |
| - <i>bi</i> |                              | инференциалис, адмиратив, перфект                    |
|             | - <i>do-bi</i>               | ‘дуративная ситуация/ситуация в будущем + адмиратив’ |
|             | - <i>bi</i> ... - <i>s'i</i> | ‘напрасный результат ситуации + адмиратив’           |
| - <i>mi</i> |                              | ‘гипотетическое будущее’                             |
|             | - <i>mi</i> ... - <i>s'i</i> | ‘нереальная ситуация’                                |

Очевидно, что ни одна из этих форм не ориентирована на выражение временной референции события. Логика организации этой системы станет гораздо более прозрачной, если признать, что она ориентирована по преимуществу на выражение модальных значений. Первый шаг к признанию этого – определение суффикса -*ɢa* как показателя не неопределенного времени, а *realisa*: этот показатель употребляется в составе всех глагольных форм, которые описывают ситуацию реализованную, реализующуюся либо такую, наступление которой в будущем считается достаточно определенным. Тогда вполне естественным и логичным оказывается включение суффикса -*ɢa* в ряд других показателей с сугубо модальным значением. Помимо показателей -*bi* и -*mi*, в этот ряд входит также показатель дебитива -*t'ui/-t'i uɔ*, см. (29)–(30), показатель эпистемической возможности (пробабилитива) -*ta*, см. (31)–(32), использующийся также в функции конъюнктива (33), показатель интеррогатива -*ba*, см. (34)–(35), императива (нулевой суффикс и особые личные окончания глагола), см. (36)–(37) и аудитива -*типи*, см. (38).

(29) Tõɔna piõba *mad' u*.

|                                               |          |                              |
|-----------------------------------------------|----------|------------------------------|
| Tõɔna                                         | piõ-ɔa   | <i>ma-d' u-Ø</i>             |
| Наверное,                                     | дочь-3Sg | <i>сказать-Debit-3SgSubj</i> |
| ‘Может быть, дочь его <i>должна</i> сказать?’ |          |                              |

(30) Mod'i *it' uɔ*? *kane?*.

|                                |                           |                     |
|--------------------------------|---------------------------|---------------------|
| Mod'i                          | <i>i-t' u-ɔ?</i>          | <i>kane-?</i> .     |
| Я                              | <i>Neg-Debit-1SgPraes</i> | <i>идти-1SgRefl</i> |
| ‘Мне <i>не придется</i> идти’. |                           |                     |

(31) Tõɔna *tia?* *tonea-ta?*.

|                           |              |                             |
|---------------------------|--------------|-----------------------------|
| Tõɔna                     | <i>tia-?</i> | <i>tonea-ta-?</i> .         |
| Наверное                  | олень-NomPl  | <i>иметься-Prob-3PlSubj</i> |
| ‘Может быть, олени есть’. |              |                             |

(32) Mod'i *s'ii?* *ita?* *soode?*?

|                                        |                 |                         |                      |
|----------------------------------------|-----------------|-------------------------|----------------------|
| Mod'i                                  | <i>s'i-i?</i>   | <i>i-ta-?</i>           | <i>soode-?</i> .     |
| Я                                      | PronPersObl-1Sg | <i>Neg-Prob-3PlSubj</i> | <i>видеть-Conneg</i> |
| ‘Они меня, <i>кажется</i> , не видят’. |                 |                         |                      |

(33) Solda *n'ie* *ten'ituro?* *niõba ata*.

|       |                          |                      |
|-------|--------------------------|----------------------|
| Solda | <i>n'ie-Ø</i>            | <i>ten'ituro-?</i>   |
| Солда | <i>Neg.Praes-3SgSubj</i> | <i>думать-Conneg</i> |

|             |                    |
|-------------|--------------------|
| pio-Ø-δa    | a-ta-Ø             |
| сын-Nom-3Sg | быть- Prob-3SgSubj |

‘Солда не думает, что это <есть> его сын’.

(34) T'ike mekido tôbado?

|       |           |                       |
|-------|-----------|-----------------------|
| T'ike | me-kido   | tô-ba-do              |
| тот   | чум-AblPl | прийти-Interr-2SgSubj |

‘Ты из тех чумов пришел?’

(35) Komabado, ibado, meto? kanedaδo?.

|                       |                    |         |                        |
|-----------------------|--------------------|---------|------------------------|
| Koma-ba-do,           | i-ba-do,           | me-to?  | kane-d.a-δo?.          |
| Хотеть-Interr-2SgSubj | Neg-Interr-2SgSubj | чум-Dat | идти-Fut.Praes-1SgSubj |

‘Хочешь ты или нет, а я домой пойду’.

(36) D'ed'u, ud' ede?.

|        |                    |
|--------|--------------------|
| D'ed'u | ud' ede-?.         |
| лебедь | слушать-Imv2SgSubj |

‘Лебедь, слушай!’

(37) Iδo d'oxi?, eneteo? ôka?.

|                 |                   |               |               |
|-----------------|-------------------|---------------|---------------|
| I-Ø-δo          | d'oxi-?           | eneteo-?      | ôka-?.        |
| Neg-Imv-2SgRefl | померяться-Conneg | человек-NomPl | много-3PlSubj |

‘Не потеряйся, народу много’.

(38) Nei? mekoδo leokouniδa.

|          |         |                            |
|----------|---------|----------------------------|
| Ne-i?    | me-koδo | leo=ko-uni-δa              |
| Жена-1Sg | чум-Abl | крикнуть=Inch-Audit-3SgObj |

‘Жена из чума, слышно, крикнула’.

Таким образом, в энецком есть ряд реальных форм (содержащих показатель -*δa*) и ряд ирреальных форм: инференциалис, гипотетическое будущее, пробабилитив, дебитив и пр. Отнесение всех прочих форм, помимо тех, что содержат показатель -*δa*, к ирреальным, основывается не только на их семантике, но и на формальных свойствах энецкой глагольной парадигмы. В энецком существует две формы отрицательного глагола, *ni*- и *i*-, первая из них употребляется для отрицания реальных форм (с суффиксом -*δa*), вторая – для отрицания ирреальных (с суффиксами -*bi*, -*mi* и с показателями, приведенными в примерах (29)–(38), в которых приводятся также предложения с отрицательным глаголом)<sup>5</sup>.

В связи с интерпретацией энецкой глагольной системы возникает несколько вопросов более общего, теоретического характера. Наиболее очевидный вопрос – как выбрать из двух альтернативных описаний показателя то, которое в наибольшей степени отражает его семантику? Так, показатель -*δa* можно считать показателем реалиса либо показателем, объединяющим значение настоящего и прошлого, то есть, как считалось традиционно, приписать ему не модальное, а темпоральное значение. В случае энецкого языка выбор первой трактовки оказывается предпочтительнее в свете того, что вся система энецкого языка ориентирована на выражение модальных, а не временных значений. В связи с этим нам кажется необходимым вкратце коснуться некоторых аспектов типологии глагольных систем.

<sup>5</sup> Это распределение нарушается в императиве, где используются обе основы отрицательного глагола. В связи с этим необходимо, однако, отметить, что императивные формы не образуют единой парадигмы: для каждого из лиц (первого, второго, третьего) используется отдельный показатель наклонения, так что фактически более корректно было бы говорить о формах хортатива для первого лица, императива для второго лица и оптатива – для третьего.

### 2.1. Традиционный подход: типология значений

Одной из основных задач типологического изучения глагольных категорий традиционно считается (и фактически является) сбор максимально полной коллекции значений, могущих получать грамматическое выражение в составе глагольной конструкции. Такой подход можно обозначить как *типологию значений*; он реализован во множестве работ – в частности, в основополагающих работах [Dahl 1985] и [Bybee, Perkins and Pagliuca 1994], являющихся без преувеличения катехизисом современной типологии глагольных значений. Авторы второй работы предлагают следующее трехуровневое противопоставление для описания грамматических (глагольных) значений:

1. *Концептуальная область* (*conceptual domain*) – предположительно универсально значимый концепт, например, область темпоральных значений (*time expressions*), которые получают как лексическое, так и грамматическое выражение.

2. Грамматическое выражение значений из некоторой концептуальной области, в противовес лексическому, является весьма ограниченным: только некоторые ключевые понятия из всей концептуальной области получают грамматическое выражение. Эти общие для большинства языков ключевые понятия именуются “*gram-types*” (это понятие было предложено в [Bybee, Dahl 1989], русскоязычный термин, который мог бы служить переводом – “*универсальная граммема*”).

3. Наконец, манифестация универсальных граммем в конкретных языках – это специфичные для данного языка *показатели*.

Значения отдельных показателей являются основным объектом изучения также в другом важном и активно развивающемся направлении исследования – а именно, в теории грамматикализации. В большинстве работ изучаются пути грамматикализации отдельных показателей – но не эволюция системы в целом.

В отечественной типологии принят подход, близкий к предложенному в [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994] (см., например [Плунгян 2000] и приводимую там литературу). В этой модели также реализуется трехуровневое (точнее, трехчастное) противопоставление, близкое к предложенному в [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994]. Прежде всего, составляется Универсальный грамматический набор (УГН) – коллекция глагольных значений, единицами хранения в которой являются “универсальные граммемы” (эквиваленты “*gram-types*”). Далее, все пространство универсального грамматического набора делится на “семантические зоны” (эквиваленты “*semantic domains*”). Наконец, при изучении конкретного языкового материала объектом описания служит реализация универсальных граммем в рамках конкретной системы. Прежде всего изучается выражение нескольких граммем одним и тем же показателем в разных его употреблениях (совмещение значений, или полисемия показателя) и одновременное выражение нескольких граммем одним и тем же показателем (кумуляция значений). Соответственно, процедура описания глагольных показателей произвольного языка состоит в выборе для каждой глагольной формы ярлыка из УГН, соответствующего ее семантике. В случае полисемии подбирается несколько ярлыков либо, в случае частотной полисемии, – один ярлык, описывающий такую частотную комбинацию, или *к л а с т е р*, значений. (Примером кластера может служить значение *и м п е р ф е к т и в а*, объединяющего хабитуальное и дуративное значения.)

Существенно, что формы разных языков, получившие одинаковые ярлыки, рассматриваются при таком подходе как семантически тождественные (например, считается, что форма прошедшего времени в тюркских языках имеет то же значение, что форма прошедшего времени в индоевропейских или австронезийских языках). Таким образом, подход, ориентированный на выделение в конкретном языке значений из универсально-грамматического набора, предполагает:

– автономное описание семантики каждой глагольной формы, при котором семантика каждой формы определяется прежде всего как совокупность выражаемых ею значений из УГН. Существенно, что при этом в очень малой степени учитываются семантические оппозиции, которые данная форма образует с другими формами системы;

– рассмотрение глагольных форм с одинаковыми ярлыками в разных языках как семантически тождественных.

Данный подход (берущий за основу значения УГН), тем самым, предполагает максимально стандартизованное описание языка. Несомненное преимущество такого подхода в том, что одинаковый формат описания позволяет сопоставлять друг с другом глагольные формы разных языков.

При таком подходе предполагается, что основные отличия между языками лежат прежде всего в плоскости того, “как именно и в каком объеме в языке будет использовано совмещение и кумуляция универсальных грамматических атомов” [Плунгян 2000: 235].

## **2.2. Необходимость типологии систем**

С одной стороны, именно описанный выше подход выражает самую суть грамматической типологии, более того – обеспечивает ее существование, так как вне презумпции существования единого грамматического набора, значения из которого грамматикализованы в языках мира, становится бессмысленной и невозможной сама идея межязыкового сопоставления, то есть типологии как таковой. С другой стороны, этот подход, на наш взгляд, нивелирует ряд существенных различий между языками. Стандартная схема – если форма выражает прошедшее время, то она должна быть однозначно отнесена к семантической зоне времени – часто существенно огрубляет картину, не позволяя выявить, что “прошедшие времена” в двух сопоставляемых языках имеют совершенно различную природу. Эта возможность реализуется при другом подходе, в котором единицей типологического анализа является не отдельно взятая глагольная форма, а вся глагольная система в целом. Иными словами, речь идет о том, чтобы дополнить типологию значений типологией систем.

Прежде всего, очевидно, что типология систем, изучающих всю совокупность глагольных форм, надстраивается над типологией значений, изучающей каждую глагольную форму в отдельности. Подчеркнем, что типология систем не является альтернативой типологии значений, напротив, первая не может существовать без последней, то есть без описания глагольных форм различных языков в едином формате, который обеспечивается именно типологией значений.

Какие параметры классификации систем можно предложить?

## **2.3. Типология систем, предложенная в работах Д. Бхата (ориентация языка на выражение темпоральных / аспектуальных / модальных значений)**

Укажем одно из возможных направлений исследования глагольных систем: при изучении конкретно-языковой реализации значений из УГН можно говорить не только об их комбинации, но и о том, какие именно значения из всего множества грамматикализованы в данном языке. Как показало исследование [Bhat 1999], в связи с этим речь может идти о некоторых интересных обобщениях. А именно, о том, что при формировании грамматической системы язык может отдавать предпочтение (prominence) какой-то одной семантической зоне, грамматикализуя прежде всего относящиеся к ней значения. Разные языки отдают предпочтения разным семантическим зонам. Этот факт позволил Д. Бхату построить следующую типологию систем: 1) системы, ориентированные на выражение аспектуальных значений (aspect-prominent systems) 2) системы, ориентированные на выражение темпоральных значений (tense-prominent systems) и 3) системы, ориентированные на выражение модельных значений (mood-prominent systems).

Определение типа языка, то есть определение его доминирующей глагольной категории, делается с опорой на описание, выполненное в терминах УГН. В то же время, возможно и обратное влияние: типология систем позволяет уточнить сделанное описание. Наиболее очевидный случай такого уточнения представлен как раз показателем *-ɟa*. Если бы энецкая система в целом была ориентирована на выражение временных значений, более естественным было бы описывать его как показатель настоящего и прошедшего времени, но поскольку очевидна ориентация этой системы на выражение модальных значений, предпочтительнее оказывается описывать его как показатель реализа. Таким образом, типология систем в некоторых случаях позволяет выбрать более адекватный ярлык из УГН.

Кроме того, типология систем дает интересные результаты применительно к полисемичным показателям. При рассмотрении таких показателей возникает вопрос о том, какое именно из значений следует признать исходным. Необходимо отметить, что при решении этого вопроса в последнее время большой вес приходится не только внутриязыковым аргументам, но и значительному объему данных о путях грамматикализации, полученным в последнее десятилетие. Поскольку пути грамматикализации признаются односторонними, считается, что направление эволюции грамматических показателей жестко детерминировано, и исходным следует признавать то значение, которое постулируется как начальное для соответствующего пути грамматикализации. Какие результаты можно получить при применении этого подхода к материалу энецкого языка?

Рассмотрим три полисемичных показателя: *-do*, *-bi* и *-s'i*.

Показатель *-do* представляет не только очевидный случай полисемии, но и яркий пример грамматикализации словообразовательного показателя с имперфективным значением в словоизменительный показатель со значением будущего времени. Такой путь грамматикализации хорошо засвидетельствован (см. прежде всего [Haspelmath 1998]; хабикулярно-футуральная полисемия подробно обсуждается также в [Татевосов 2004]). О том, что в энецком грамматикализация направлена именно таким образом, свидетельствуют и внутриязыковые данные: эволюция значения сопровождается повышением степени грамматичности показателя. Существенно, что такое направление грамматикализации не противоречит общим принципам развития глагольной системы: многократно отмечалось, что значение будущего времени находится на стыке модальных и темпоральных значений. Таким образом, единственный "полноценный" темпоральный показатель, развившийся в глагольной системе энецкого языка, не лишен модального оттенка.

Показатель *-bi* демонстрирует совмещение значений адмиратива, инференциалиса и перфекта. Связь инференциального и перфектного значения достаточно хорошо известна. Она обсуждается, в частности, в [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994], где постулируется путь грамматикализации от перфектного значения к инференциальному. Таким образом, рассматривая показатель *-bi* изолированно, мы должны были бы постулировать исходность именно перфектного значения и производность значения инференциальности. В противоречие с этим, отчасти, входит то, что перфектное значение у показателя *-bi* появляется только в контексте адмиративного. Но, главное, если принять во внимание ориентацию энецкой системы на выражение именно модальных значений, то первичность перфектного значения становится и вовсе сомнительной: перфектному значению неоткуда взяться в системе такого рода, тогда как наличие в ней инференциального значения, напротив, вполне логично. Таким образом, для модально ориентированных систем путь грамматикализации, стадиями которого являются инференциалис и перфект, ориентирован противоположным образом, и это естественно обуславливается общими принципами организации системы. Следует специально подчеркнуть, что признание противоположно направленного пути грамматикализации не вносит дополнительной степени свободы в теорию путей грамматикализации: предполагается (этот вопрос, естественно, требует дополнительного изучения), что постулирование того или иного

направления пути грамматикализации не является произвольным, но скоррелировано с дополнительным параметром – ориентацией системы на грамматикализацию значений из определенной семантической зоны.

Наконец, показатель *-s'i* выражает два значения: он описывает, во-первых, антирезультативную ситуацию в прошлом (иными словами, кумулятивно выражает значения прошедшего времени и антирезультатива), и ситуацию в прошлом – во-вторых. На первый взгляд кажется, что в данном случае следует считать исходным инвариантное значение показателя, присутствующее во всех его употреблениях – а именно, значение прошедшего времени. Антирезультативность в таком случае следовало бы признать оттенком значения, проявляющимся в некоторых употреблениях показателя. К подобному решению исследователя зачастую может подталкивать следующее соображение: кажется странным считать исходным такое “экзотическое” значение, как антирезультативность, рассматривая при этом столь “основополагающее” значение, как прошедшее время, всего лишь в качестве дополнительного. Однако этому противоречит то, что более частотным и контекстно независимым является как раз антирезультативное значение: приведенные выше примеры показывают, что энецкая глагольная система оказывается очень чувствительна к антирезультативности в различных ее аспектах: аннулированный результат, конатив, ирреальный статус ситуации, “напрасный” результат. В то же время, значение прошедшего времени в чистом виде этот показатель может выражать только в диалоговом регистре при введении новой информации. Иными словами, показатель *-s'i* следует считать показателем антирезультатива, который может быть приспособлен для выражения временной референции. Эта, несколько необычная, ситуация оправдывается тем, что именно антирезультативное значение более органично вписывается в глагольную систему энецкого языка, так как оно является, безусловно, в сильной степени модальным, будучи связанным с идеей неактуальности. Таким образом, учитывая общую ориентацию системы на выражение модальных значений, нас уже не должно удивлять наличие показателя с базовым экзотическим значением и периферийным значением прошедшего времени, которое проявляется, образно говоря, только в случае крайней необходимости – для указания на временную соотнесенность ситуации, информация о которой является новой для собеседника в диалоге.

Влияние типологии систем наиболее показательно в случае с морфемами *-bi* и *-s'i*: адекватная интерпретация этих показателей входит в противоречие с некоторыми эмпирически установленными закономерностями (однонаправленность путей грамматикализации в первом случае и выбор инвариантного значения в качестве исходного – во втором). На самом деле, аккуратное описание языковых данных в любом случае как с привлечением типологии систем, так и без оно, потребовало бы нарушить эти принципы. Но обращение к типологии систем в данном случае позволило объяснить эти исключения из общих правил: с точки зрения глагольной системы существование этих особенностей вполне мотивированно, и это позволяет говорить уже не о девиациях, а об альтернативных путях эволюции глагольных показателей, которые должны учитываться ровно в той же степени, что и более распространенные варианты.

### Сокращения, используемые в статье

Дефисом (-) в строке морфологического разбора отделяются словоизменятельные показатели, знаком равенства (=) – словообразовательные. Поссесивные показатели глоссируются в формате лицо + число (напр., 3Sg), показатели личного согласования – в формате лицо + число + тип спряжения (напр., 3SgObj).

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо

Abl – аблатив

Acc – аккузатив

Adv – локативный или лативный падежный показатель, использующийся в формах наречий и послелогов

Caus – каузатив



Conneg – коннегатив  
 Dat – датив  
 Dest – дестинатив (предназначенный для кого-то объект)  
 Dim – диминутив  
 Du – двойственное число  
 Dur – дуратив  
 Fut – будущее время  
 Gen – генитив  
 Inc.Stat – инцептивный суффикс со значением наступления состояния  
 Inch – инхоатив  
 Inf – инфинитив  
 Infer – инференциалис  
 Itg – гипотетическая форма  
 Lat – латив  
 Loc – локатив  
 NDV – отглагольное имя  
 Neg – отрицательный глагол  
 Nom – номинатив  
 Obj – объектное спряжение  
 PartPraet – причастие прошедшего времени  
 Pl – множественное число  
 Praes – настоящее, или “неопределенное” время  
 Praet – прошедшее время  
 Prol – пролатив  
 Refl – рефлексивное спряжение  
 Sg – единственное число  
 Subj – субъектное спряжение  
 VACond – условное деепричастие  
 VN – отглагольное имя

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буркова 2004 – С.И. Буркова. Эвиденциальность и эпистемическая модальность в ненецком языке // Ю.А. Ландер и др. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М., 2004.
- Долгих 1961 – Б.О. Долгих. Мифологические сказки и исторические предания энцев // Труды Института этнографии. Новая серия. М., 1961.
- Лабанаускас 2002 – К.И. Лабанаускас. Родное слово. Энецкие мифы, сказки и предания. СПб., 2002.
- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология. М., 2000.
- Плунгян 2001 – В.А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // В.А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории. М., 2001.
- Татевосов 2004 – С.Г. Татевосов. Есть – бывает – будет: на пути грамматикализации // Ю.А. Ландер и др. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М., 2004.
- Bhat 1999 – D.N.S. Bhat. The prominence of tense, aspect, and mood. Amsterdam, 1999.
- Bybee, Dahl 1989 – J.L. Bybee, O. Dahl. The creation of tense, and aspect systems in the languages of the world // Studies in language. 13, 1989.
- Bybee, Perkins, Pagliuca 1994 – J.L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. Back to the future // B. Heine, E. Traugott (eds.). Approaches to grammaticalization. V. 2. Amsterdam, 1994.
- Dahl 1985 – O. Dahl. Tense and aspect systems. Oxford, 1985.
- Haspelmath 1998 – M. Haspelmath. The semantic development of old presents: new futures and subjunctives without grammaticalization // Diachronica. XV(1), 1998.
- Helimski 2001 – E. Helimski. Samoyedic studies: a state-of-the-art report // Finnisch-Ugrische Forschungen. 56, 2001.
- Plungian, van der Auwera 2006 – V. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking // STUF. 2006.